

Gaoussou Diawara / Гайссу Диавара (1940–2018) was born in 1940 in Quéllessébougou — a small town 50 miles south of Bamako, the capital of Mali. In 1961, at the age of 21 he received a scholarship to study in the USSR. After one year of an intensive Russian language course, Diawara was admitted to the poetry division of the Gorky Literary Institute in Moscow. He studied in a creative writing workshop led by Soviet writer, journalist, and traveler Vasilii Zakharchenko. In 1967, Diawara graduated from the Gorky Institute and went back to Mali, where he became the first Malian professor of dramatic art at l'Institut national des arts de Bamako (l'INA). He was one of the creators of the Malian Writers' Union and served as its secretary general for many years. In the 1970s, he came back to the USSR where he studied at the Department of Directing at the Lunacharsky State Institute for Theatre Arts (GITIS). He also got a short-term internship at Bertolt Brecht's Berliner Ensemble in the GDR. In 1979, he defended his PhD (кандидатская степень) titled "The Formation and Development of Progressive Drama in Mali" at the Institute of World Literature in Moscow. In the 1980s, he taught Russian literature and language at l'École Normale Supérieure de Bamako. In the 1990s–2000s, he taught African literature and theatre at the University of Mali. He wrote in French and Bambara and translated from Russian, Uzbek, Lithuanian, and Estonian. He published numerous poetry collections, novels and plays. Three poetry collections appeared in Russian translation: «Рождение Мали» (1965, translated from French into Russian by Mikhail Kurgantsev), «Чёрные звёзды» (1966, translated from French into Russian by David Markish), «Восход солнца» (1976, translated from French into Russian by Mikhail Kurgantsev). His theatre company "Teriya" performed in various African countries, as well as in Europe (Norway, France) and in the United States. He was married to Lithuanian writer [Viktorija Prėskienytė Diawara](#), also a graduate of the Gorky Literary Institute. His son Victor Diawara ([veediawara](#) on Instagram) is a famous Lithuanian musician and producer. One of his projects, Afrodélic ([afrodélic123](#) on Instagram), blends traditional Malian music with electronic rhythms. In its first album, [Dusunkun Hakili](#), Victor uses his father's poetry as the basis for lyrics.

We will read two poems by Diawara about his attitude to the USSR, Russian language and literature. The poems were published in Russian translation in the 1960s and 1970s, when Diawara lived in Moscow. Unfortunately, I was not able to find the French originals. The reason for this is fairly straightforward — Diawara's French-language poetry collections were published in Bamako in the 1980s when Mali abandoned the idea of becoming a socialist state. Malian socialism was short lived — the first president of Mali, [Modibo Keita](#) started to implement socialist policies in 1961 right after Mali gained independence, but he was overthrown in a military coup in 1968. After that, publishing works that praised socialism or the Soviet Union was not possible. We will also read three poems which do not have anything to do with the Soviet Union, in order for you to see that Diawara's poetry was actually quite diverse. For these poems I am providing the French original for those of you who know French. No worries if you don't know French, in that case just focus your attention on the translations.

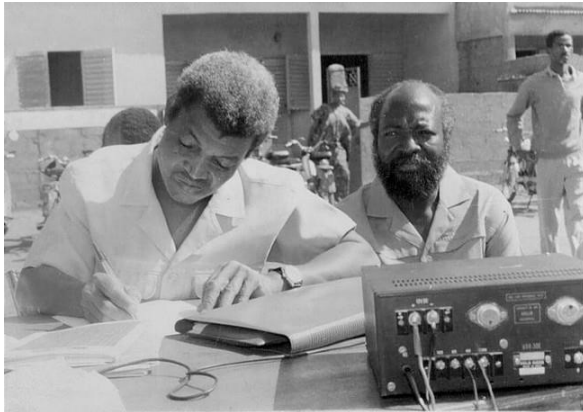

Fig. 1. Gaoussou Diawara and his wife Viktorija. Fig. 2. Gaoussou Diawara in the USSR. Fig. 3. Gaoussou Diawara in Mali. Fig. 4. Gaoussou Diawara with famous Soviet poet Evgenii Evtushenko. Fig. 5. Gaoussou Diawara in the GDR.

Язык нерасторжимого братства¹

Друг мой,
кто бы ты ни был,
где бы ты ни был,
русский язык изучай!

Это язык великанов,
язык силачей и гигантов,
язык настоящих мужчин,²
у которых — жаркое
сердце
и крепкие добрые руки.³

Это язык
нерасторжимого братства —
на звуки его
слетаются голуби мира.
Это Новое Солнце,
отогревшее разум;
Мать Науки,
идущей вперёд
по неведомым тропам;
рука,
отворившая
двери далёких планет;
река полноводная,
вобравшая сотни притоков;
вулкан,
переполненный лавой
огнедышащих⁴ слов,
рассыпающихся по Земле!

Русский язык — это
Пушкин
и Горький

¹ *Диавара, Гауссу. Язык нерасторжимого братства // Правда. 1963. №335. 1 декабря. Стихотворение было переведено с французского языка на русский Михаилом Курганцевым. В более поздних переводах стихотворение получило название «Слава тебе, русский язык!» (1965) и «Слаблю русский язык» (1974).*

² В более позднем переводе были добавлены следующие строки, описывающие русский язык как «мужественный и нежный» и «язык единства и чести» (*Диавара, Гауссу. Слава тебе, русский язык! // Поэты Мали. Москва: Прогресс, 1965. С. 85*).

³ В более позднем переводе эта строка была заменена на «и руки сильнее атомной бомбы» (*Диавара, Гауссу. Слаблю русский язык // Советская культура. 1974. №71. 3 сентября. С. 7*).

⁴ В более позднем переводе это слово было заменено на «искренних».

и Юрий Гагарин —
это язык коммунизма
и звёздных миров,
Русский язык — это Ленин.

О, если б я мог
с молоком материнским
впитать тебя,
русский язык!
Ты пылаешь во мне,
вечный факел
для всех поколений,
неугасимое пламя
грядущих веков!⁵

Ленин⁶

В небо чёрное, к звезде бессонной,
ты, земля, от горести седа,
простирала руки исступлённо:
«Упади, алмазная звезда!

Чтобы голод, злоба и невзгода
не терзали землю никогда,
к нам сюда с глухого небосвода
упади, алмазная звезда!

Чтобы смерть ушла, а жизнь продлилась
без оков, без рабского труда,⁷
приходи скорее, справедливость,
упади, алмазная звезда!

В этот мир, где слышатся рыдания,⁸
неизбывны горе и нужда,⁹

⁵ В более позднем переводе эта строфа была существенно изменена: «Ты струишься / по жилам, / бушуешь / в ручьях огнедышащей крови, / любовь моя, / русский язык! / Ты пылаешь во мне, / вечный факел / для неисчислимых / людских поколений, / неугасимое пламя / для всех / предстоящих веков!»

⁶ *Диавара, Гауссу*. Ленин // Правда. 1966. №112. 22 апреля. Стихотворение было переведено с французского языка на русский Михаилом Курганцевым.

⁷ В более позднем переводе эта строка была заменена на «чтобы навек рассеялась вражда» (*Диавара, Гауссу*. Ленин // Азия и Африка сегодня. 1967. №4. С. 5).

⁸ В более позднем переводе эта строка была заменена на «В этот мир обмана и позора».

⁹ В более позднем переводе эта строка была заменена на «где сплелись нажива и нужда».

где ещё глумятся над рабами,¹⁰
упади, алмазная звезда!

В этот мир, где вера и свобода
проданы на рынке без стыда,
с незапятнанного небосвода
упади, алмазная звезда!

В этот мир, где истина распята,
где любовь — не радость, а беда,
приходи, спасенье и расплата,
упади, алмазная звезда!¹¹

Ради наших малых, ради самых
слабых и беспомощных сюда,
к нам в полусожжённые саванны,
упади, алмазная заезда!

Чтоб надежда не иссякла, слышишь,
чтоб душа воспрянула, горда,
к братьям под соломенные крыши
упади, алмазная звезда!»

И в ответ ударили вулканы,
заклубились пыльные столбы.
в трубы затрубили океаны,
водопады встали на дыбы,
промелькнула¹² молния слепая,
в небе засветилась полоса,
дрогнула земля... Звезда упала!
Во вселенной Ленин родился!

Задание для следующего стихотворения: если вы знаете французский язык, прочитайте сначала оригинал на французском, а потом сравните его с двумя переводами, сделанными двумя разными переводчиками. Если вы не знаете французского, просто прочитайте два перевода и сравните их между собой. Какие сходства и различия вы заметили? Какой перевод вам больше нравится и почему?

¹⁰ В более позднем переводе эта строка была заменена на «приходи, не отвергая зова».

¹¹ В более позднем переводе строфы 5 и 6 поменяли местами.

¹² В более позднем переводе это слово было заменено на «пролетела».

Ensemble¹³

Nuit...
La lampe de la lune !
Sourire d'étoiles étincelant sur la forêt
Devant sa cabane aux toits de chaume
Un sage parle à son peuple réuni
Et l'Afrique écoute la voix de l'ancien :

Hommes des forêts
Des savanes et des déserts
Bronzés, cuivrés, brûlés
Cavaliers sur les montures blanches
Chameliers des dunes mouvantes
Du Sahara au Kalahari

Hommes des fleuves
Rameurs sur les vagues du Congo,
Du Zambèze ou du Joliba
Hommes des villes et des campagnes
Au regard de lacs jetés
Entre terre et ciel

Dans ce monde, nous venons
Au nom du labeur et de la propriété
Chassons la nuit
Et jusqu'au soleil, créons une route
Large comme nos cœurs
Et par elle, allons, ensemble
Hommes des forêts
Hommes des fleuves
Hommes des savanes
Des villes et des faubourgs...

1966

Все вместе!¹⁴

Лес.
Лампа луны.
Ленты лиан.
Тишь невозможная!..

Лес.
И люди в лесу.
Люди в лесу,

¹³ Diawara, Gaoussou. *Afrique ma Boussole*. Bamako: Teriya, 1980. P. 173–174.

¹⁴ Диавара, Гауссу. Чёрные звёзды. Москва: Детская литература, 1966. С. 33–34. Стихотворение было переведено с французского языка на русский Давидом Маркишем.

Африканские чёрные люди,
Коричневые,
С шапками жёстких волос,
По которым струи дождя
Скользят,
Как по крышам хижин...
Люди леса,
 саванн
 и пустынь, —
Коричневые, смуглые,
Скачущие на белых мелкоголовых конях
И на серых верблюдах,
Плывущие
На пирогах по рекам,
Идущие
По Сахаре и Калахари —
Дорогие мои,
Скажем все вместе
На языке сердца:
«Мы отстоим нашу свободу!»
Люди леса,
 пустынь,
 островов,
 городов,
 деревень, —
Смуглые,
 жёлтые,
 голубоглазые белые!
Мы пришли в этот мир,
Чтоб трудиться,
 думать
 и петь.
Давайте построим большую дорогу!
Давайте пойдём по ней
Навстречу солнцу
Все вместе,
Мои дорогие люди!

Вместе!¹⁵

Лес —
огромная хижина.
Тусклая лампа луны.
Переплетенья лиан.
Полный кувшин тишины.

¹⁵ *Диавара, Гауссу*. Восход солнца. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978. С. 81–82. Стихотворение было переведено с французского языка на русский Михаилом Курганцевым.

Люди в лесу —
африканцы,
братья мои,
дети единой семьи.

Толстые губы,
крылатый смеющийся нос,
зубы слепящие,
шапка упругих волос...

Пахари и пастухи,
уроженцы пустынь и саванн,
думы мои
и стихи
посвящаются вам!

Вместе мы бросим
вызов невзгодам и бедам!
Руки протянем
чёрные — белым!

Люди разных племён,
городов и селений,
мы пришли в этот мир
обновлённый, весенний,
чтобы трудиться и мыслить,
любить и мечтать,
и не быть одинокими,
и свободными стать!

L'automne¹⁶

Comme tombent
Les larmes amères
Des yeux
De nos tristes mères
Ainsi tombent
Silencieusement
Les feuilles des manguiers
Sous le vent.

1962

¹⁶ Diawara, Gaoussou. *Afrique ma Boussole*. Bamako: Teriya, 1980. P. 192.

Осень¹⁷

Как слезы матери
из горьких глаз,
срывается листва
в печальный час
с деревьев траурных.
В туманном сне
они качаются
на огненной волне.

Solitude¹⁸

Pluie, — c'est Août qui pleure
Tristesse et tristesse tout autour
Le tonnerre bat sourdement
Dans la forge noire
Du firmament...
Mène-moi, Solitude
Dans les profondeurs de ton royaume
Où serpentent les éclairs
Par les mille sentiers de l'azur
Mène-moi au soleil noir
De mon passé embrumé
A mon univers
Clairsemé de brisures
Allons solitude mon idole
Août verse ses larmes.
Sur mes épaules tombent et tombent
Des feuilles jaunes
Comme des oiseaux souffrants
Seul, dans mes chemins
Je vais tout seul...

1963

Одиночество¹⁹

Дождь... Это август плачет.
Как грустно мне, одиноко.
Как глухо гроза грохочет
В чёрной кузнице неба!..

¹⁷ Диавара, Гауссу. Восход солнца. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978. С. 33. Стихотворение было переведено с французского языка на русский Михаилом Курганцевым.

¹⁸ Diawara, Gaoussou. *Afrique ma Boussole*. Bamako: Teriya, 1980. P. 24.

¹⁹ Диавара, Гауссу. Чёрные звёзды. Москва: Детская литература, 1966. С. 48. Стихотворение было переведено с французского языка на русский Давидом Маркишем.

Веди, одиночества идол,
Меня по своим владениям.
Там белые змеи молний
Ползут по тропам небесным.

Где мое чёрное солнце
Над зелёной девочкой-пальмой?
Мир утонул в тумане...
Идём, одиночества идол!

Август льёт свои слёзы...
Опускается на плечо мне
Жёлтый лист, как больная птица.
Я один в лесу подмосковном.

Atukwei John Okai / Джон Окай (1941–2018) was born on March 15, 1941 in Accra, the capital of Ghana. From the age of three for eight years he lived in Gambaga in the north of the country, where his father was a school headmaster. In Gambaga, Okai got acquainted with the cultural practices of drumming, dancing, singing, and praise-singing. Later in life he claimed that years spent in Gambaga impacted his poetry, and performances by Northern Ghanaian griots had a special influence on his poetic language. He relocated to Accra in 1952 where he graduated from Accra High School. His poems began to appear in various Ghanaian newspapers in 1956. The first president of Ghana Dr. [Kwame Nkrumah](#) noticed his talent and sent him to study in the USSR in 1961. After spending a year learning Russian, Okai got enrolled to the poetry division of the Gorky Literary Institute (he joined a poetry workshop led by Vasilii Zhuravlev). While Okai was in the Soviet Union, a military coup occurred in Ghana, and Kwame Nkrumah was overthrown in 1966. When Okai graduated in 1967 and came back to Ghana, he was viewed with suspicion. Like many other Soviet-educated Ghanaian graduates he could not find a job. In 1968, he managed to receive a fellowship of the Royal Society of Arts to study at the School of Slavonic and East European Studies in London. In 1971, he defended his master thesis on Dostoevsky and received his master degree. Upon his return from the UK, he was elected as the president of the [Ghana Association of Writers](#) (GAW). Simultaneously he got a job as a lecturer in Russian literature at the Department of Modern Languages at the University of Ghana. In 1978–1979 he was a writing fellow in the International Writing Program at the University of Iowa. Even though he loved teaching Russian literature, he always wanted to teach African literature. In 1984, he left the Department of Modern Languages and joined the Institute of African Studies where he stayed for twenty years. In 2004, he became the head of the Department of Ga-Dangme Education at the University of Education, Winneba. Experiencing tension at the GAW, he was forced to leave in 1989. Instead, he managed to create the [Pan-African Writers' Association](#) (PAWA) that united 54 national writers' associations across Africa. He stayed as a secretary general of PAWA for almost 30 years until his death in 2018. According to the current president of Ghana, Nana Addo Dankwa Akufo-Addo, Okai “used PAWA as a platform to talk positively about the limitless possibilities of an independent Africa for Africans.” Okai published multiple collections of poetry. He wrote primarily in

English but he intertwined it with other languages including various Ghanaian and African languages, Russian and Arabic. A few of his poems were published in Russian translation in Soviet newspapers, journals, and anthologies.

Note of the name: up until 1974 he used his English names (he was christened John David Atukwei Okai). His first two poetry collections were published under the name John Okai: *The Flowerfall* (1969) and *The Oath of the Fontomfrom and Other Poems* (1971). In 1974, he dropped his English names and became Atukwei Okai. *Lorgorligi logarithms* (1974) and his subsequent works were published under the name Atukwei Okai. However, in the Soviet Union his works were always published under the name Джон Окай.

We are going to read one of his poems about the Soviet Union in Russian translation. The English original cannot be found — this poem was not included into his English-language collections (same reason as with Diawara — socialism was condemned in Ghana after the 1966 coup and open admiration was dangerous). We will also read one poem that has both an English original and a translation.

Okai in the USSR. Source: *Atukwei Okai: The Son of Africa*. Accra: Buck Press, 2018.

Новая эра²⁰

Я слышал —
в деревнях моей страны
старухи
о возрасте ребёнка говорили:
«Он родился
пять синих пятниц до того, как русский
поднялся к звёздам».

О событиях
рассказывали:
«Это было
три лунных праздника после того, как
снова
летал вокруг земли
советский человек».

Так началась другая эра —
до и после
космических полётов.
Так изменилось летоисчисление.

Теперь его ведут не по каури,
ракушкам тем, что вешают над крышей...
Гагарин и Титов,
Восток-один и два —
Отныне вежи для воспоминаний.

О Родина моя!
Мильоны глаз,
веками
встречавшие несчастье,
привыкают
смотреть в бездонную голубизну
до дерзости,
до головокруженья!
И вот опять
пополнен арсенал
волнения, восторга и легенд...
Двадцатый век!

²⁰ *Окай, Джон*. Новая эра // Поэты Ганы. Москва: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 111–113. Стихотворение было переведено с английского языка на русский О. Берг.

Год шестьдесят второй!
Герои — Николаев и Попович!
Двенадцатое августа —
полёт
по двум орбитам
двух кораблей!

Хочу, чтоб эта дата
служила вехой летоисчисления
не войн, не засухи, не наводнений.
Пусть от неё
считают день, когда
народы Африки
непрощенных гостей
прогонят с континента
и как одна семья
раскурят трубку мира.

Задание для следующего стихотворения: прочитайте сначала оригинал на английском языке, а затем прочитайте перевод и сравните его с оригиналом. По-вашему, это хороший перевод или нет? Почему?

The African²¹

To W. F. Conton

I
Just as I am!
Just as I am—
Counted with those who breathe,
You cannot break my bone
Just as you can
Not scan the sun;
Let watching witches watch
And leave my brook to bark!
Just as I am!
Just as I am—
In eyes of those who see,
You cannot grade my grain
Just as you can
Not catch the wind;
So let fighting flies fight,

²¹ Okai, Atukwei. *The Oath of the Fontomfrom*. Accra: Assembly Press, 2005. P. 42–44. Обратите внимание на то, что текст оригинала и текст перевода довольно сильно отличаются друг от друга. Перевод был опубликован в 1965 году, а оригинал — только в 1971 году. Возможно, Окай внёс некоторые изменения в своё стихотворение. [Здесь](#) вы можете посмотреть, как Окай читает это стихотворение в 2014 году.

And leave my land to lie!

II

Just as I am!
Just as I am—
Counted with those with limbs,
You cannot catch my cow
Just as you can
Not arrest the clouds;
Let singing lizards sing.
And leave my grass to green!
Just as I am!
Just as I am—
To touch of those who feel,
You cannot sing my song
Just as you can
Not hold the air;
So let standing stones stand
And leave my cocks to crow!

III

Just as I am!
Just as I am—
To noses of those who smell,
You cannot sail my sea
Just as you can
Not reach the sky
Let falling fairies fall
And leave my fish to float!
Just as I am!
Just as I am—
Counted with those who walk,
You cannot shake my spear
Just as you can
Not count the stars:
So let crawling cows crawl
And leave my mind to move!

IV

Just as I am!
Just as I am—
Counted with those with tongue,
You cannot face my foe
Just as you can
Not drink the dam;
Let wailing wizards wail
And leave my waves to break!
Just as I am!
Just as I am—
In ears of those who hear,

You cannot burn my bush
Just as you can
Not count the ants;
So let swimming sheep swim
And leave my stars to shine!

V

Just as I am!
Just as I am—
Counted with those with hearts,
You cannot know my woe
Just as you can
Not drink the dam;
Let fading flowers fade
And leave my seed to sink!
Just as I am!
Just as I am—
To minds of men who think,
You cannot cut my corn
Just as you can
Not count the sand;
So let talking trees talk
And leave my goats to graze!

Африканец²²

Какой я есть,
Такой я есть.
Я причисляюсь к тем, кто дышит.
Ты измолоть моих костей,
Как раньше мог,
Уже не можешь.
Тебя без пробкового шлема
Слепят лучи чужого солнца.
Так пусть же солнце стережёт
Меня, и реки, и саванну!

Какой я есть,
Такой я есть.
Из тех, кто рост батата слышит.
Как зёрна ветром отведают,
Ты слышал только из молвы.
Увы,
Наш ветер сушит кожу твою,
Привыкшую к туманам.

²² Окай, Джон. Африканец // Лебедь белый и лебедь чёрный — дружат! Москва: Правда, 1965. С. 25–27. Стихотворение было переведено с английского языка на русский Анатолием Кошеидой. [Здесь](#) вы можете посмотреть, как Окай читает одну из строк этого стихотворения на русском языке.

Так пусть гоняет ветер птицу,
Пусть всходят зёрна в борозде!

Какой я есть,
Такой я есть.
Глашатай мысли мой язык.
Я говорю в лицо врагу
Всё, что я думаю о нём.
Не можешь ты меня в лицо,
Как раньше мог,
Теперь ударить,
Не всполошив моих зверей и птиц.
Так пусть мои леса
Непотревоженными будут!

Какой я есть,
Такой я есть.
Мне с птицами нетрудно спеться,
А ты за столько лет с людьми не научился говорить.
Не можешь ты меня заставить,
Как ты бы мог, забыть язык:
Мне песни пела мать на нём.
Так пусть не умирают песни,
Пусть люди говорят с людьми!

Какой я есть,
Такой я есть.
Я чувствую, когда болит.
Хоть ты теперь меня не можешь,
Как раньше, приковать к веслу,
Мои запястья ещё болят.
Так пусть волна
У берегов моих не знает
Фрегатов, тихо подходящих!

Какой я есть,
Такой я есть.
Во мне гармония Земли.
Не можешь ты,
Как ты бы мог,
Её нарушить: без меня
Земля, как радуга, которой
Не хватит цвета одного:
Так пусть соцветия Земли
Сольются в радуге одной!

Какой я есть,
Такой я есть.
В груди моей людское сердце.
И никогда я не обижу

Поющих ящериц, козлят,
Коров, траву и облака,
Песчинки, петухов, ручьи
И муравьёв — они мои
С недавних пор.

Какой я есть,
Такой я есть.
А ты не можешь урожай собрать
И помешать его собрать,
Заставить петухов не петь,
Ягнёнка из ручья не пить,
Заставить рыб в воде не плыть,
Не можешь ты заставить быть
Твоим слугой!

Какой я есть,
Такой я есть.
Я причисляюсь к тем, кто дышит.
Из тех, кто рост батата слышит.
Кто чувствует, когда болит.
Во мне гармония Земли.
Мне с птицами нетрудно спеться,
В груди моей людское сердце.
Глашатай мысли мой язык.
Из рук твоих я выбил плеть,
Не смеешь ты меня обидеть,
В глазах
Умеющих глядеть
и видеть —
Здесь хозяин
Я!

James Lloydovich Patterson / Джеймс²³ Паттерсон (1933-) was born in Moscow on July 17, 1933. His father Lloyd Walton Patterson was African American. Lloyd Patterson was an artist and designer. He had difficulty finding work in the US due to racial prejudice. This negative experience led him to participate in the Soviet film project *Black and White*, which aimed to create a film depicting American racism. To participate in this project, he traveled to Moscow in 1932 along with other young African Americans, including Langston Hughes. Patterson worked as an artist and assistant. The film was eventually cancelled, but Patterson stayed in Russia and learned Russian. He married Vera Aralova, an artist and fashion designer from Ukraine. They had three children, and James was the oldest among them. In 1936, three-year-old James appeared in the hit Soviet film *Circus*, where he played the role of the child of an interracial couple. It was his only film appearance. In 1951, James graduated from the Riga Nakhimov Naval School, a prestigious military academy for

²³ Можно встретить два написания его имени на русском языке — Джеймс и Джемс.

boys of high-school age. He proceeded to receive further training as a submariner in Leningrad. Commissioned as an officer in the Soviet Navy, Patterson began serving with the Black Sea Fleet in 1955. Simultaneously, he got admitted to the correspondent division of the Gorky Literary Institute. He graduated in 1962 from a poetry workshop led by Vasilii Zakhachenko. Soon after, he left the Soviet Navy and became a professional writer. In 1967, he was admitted to the Soviet Writers' Union. He published seven poetry collections, one novel and one collection of short stories. He wrote in Russian. In the 1990s, James Patterson and his mother immigrated to the United States. The English translation of his 1964 book *Chronicle of the Left Hand* was published in 2022 by New Academia Press. He currently lives in Washington, DC.

We will read two of his poems and an excerpt from *Chronicle of the Left Hand*.

Fig. 1. James Patterson and his grandmother Margaret Glascoe. Fig. 2. At the Riga Nakhimov Naval School. Fig. 3. Portrait. Fig. 4. James Patterson and his father. Fig. 5. James Patterson, Lyubov Orlova and Sergei Stolyarov (from the film *Circus*). Fig. 6. James Patterson and his readers. Fig. 7. James Patterson and his mother.

***²⁴

Живу я в учащенном ритме,
Подхваченный, как вихрем, им,²⁵
И добр я
 к людям,
 как Уитмен,
И к злу, как он,
 непримирим.

У вдохновения в плену
Я беспредельность обретаю:
То где-то в космосе витаю,²⁶
То лямку бурлака
 тяну.

О исполинский
 росчерк
 графика!
О свет, роняемый
 луной!
И торсом обнаженным
 Африка
Мерцает
 за моей спиной.

Каким чутьем я наделен!²⁷
Я слышу
 шествие процессов
И по последним из концессий
Весёлый погребальный звон.²⁸
И в интересах новой темы
Я в межпланетном интервью²⁹
Со всей
 раскованной вселенной
На чистом русском
 говорю.

²⁴ Паттерсон, Джемс. Россия. Африка. Москва: Молодая гвардия, 1963. С. 7–8.

²⁵ «Моей работой одержим» (632.1.4333.1).

²⁶ «И то раскованно витаю» (632.1.4333.1).

²⁷ Каким я зреньем наделен! (632.1.4333.1).

²⁸ «И по наличию концессий / Последний погребальный звон» (632.1.4333.1).

²⁹ «В междупланетном интервью / Я с жителем / иной Вселенной / На эсперанто / говорю.» (632.1.4333.2).

Россия и Африка³⁰

Я не помню себя,
Я не помню подробностей,
Я не помню
избытка актерских
способностей,

Но я помню,
Как что-то взволнованно
пели
Две старушки
у детской моей колыбели.
И склонялись
они надо мной,
разнокожие,
Чем-то очень похожие
и непохожие,
И меня одинаково
руки качали,
И простое тепло
мне они излучали.
Напевала одна
что-то с детства
мне близкое,
Напевала другая
мне песни английские.
Я лежал
И внимал
этим льющим звукам,
И я был для обеих
единственным внуком.

Я не помню себя,
Я не помню подробностей,
Я не помню
избытка актерских
способностей,

Но я помню,
Как что-то взволнованно

³⁰ Паттерсон, Джеймс. Россия. Африка. Москва: Молодая гвардия, 1963. С. 9–10.

пели
Мне Россия и Африка
у колыбели.

Хроника левой руки (отрывок)³¹

Мы читаем только две последних главы повести, в которых рассказывается о том, как сын Маргарет Ллойд — отец Джеймса Паттерсона — переезжает в СССР, и вскоре после этого Маргарет переезжает туда тоже. Текст, заключённый в кавычки, написан от лица Маргарет. Короткие параграфы без кавычек написаны от лица Джеймса — внука Маргарет, сына Ллойда.

«Красные» и чёрные

Ей нравилось говорить с людьми, нравилось слушать их рассказы о жизни, жалобы и недоумения. Сердце её обливалось радостью каждый раз, когда она замечала в человеке острое недовольство — то недовольство, которое, протестуя против ударов судьбы, напряженно ищет ответов на вопросы, уже сложившиеся в уме.

М. Горький «Мать»

«Я поступила в одну семью служанкой и старалась жить очень скромно. Мне даже удавалось посылать кое-что из своего заработка Ллойд. Жизнь моя текла скучно и однообразно, единственной радостью были письма от сына.

Ллойд был очень доволен своей учёбой. Он делал большие успехи, и преподаватели колледжа предсказывали ему блестящую будущность. Он выбрал себе профессию художника-декоратора.

Из его частых писем я знала во всех подробностях, как ему живётся в колледже и над чем он работает. Но незадолго до окончания занятий в колледже пришло письмо от Ллойда:

³¹ Паттерсон, Джеймс. Хроника левой руки. Москва: Молодая гвардия, 1964. С. 107–124.

«Дорогая мама! Ты, вероятно, уже слышала о забастовке в колледже. Забастовка объявлена в знак протеста против поведения администрации, которая, как недавно выяснилось, отказывается принимать на работу преподавателей-негров.

Должен сказать тебе, мама, что преподавателей-негров здесь мало, хоть это и негритянское учебное заведение. Все студенты, конечно, негры, но большинство преподавателей — белые. И здесь наблюдаются предрассудки вроде того, что белые преподаватели не садятся за один стол со студентами.

А видела бы ты, мама, какое возмущение среди нас вызвало сообщение о том, что один из белых преподавателей в прошлом году участвовал в демонстрации Ку-клукс-клана в Норфолке. Все студенты единодушно потребовали увольнения преподавателя-куклуксклановца.

Мы выбрали стачечный комитет и делегацию. Ректор отказался принять делегацию, и тогда мы забастовали. Ни один студент не вышел на занятия. Так странно видеть опустевшие аудитории и слоняющихся без дела преподавателей!

Дисциплина среди студентов образцовая. Никаких беспорядков. Половину дня мы проводим на стадионе: играем в футбол, в бейсбол и другие игры, а вечером ходим на собрания.

Вчера на наше собрание пришел ректор и выступил с большой речью. Он долго распространялся о традициях колледжа и выразил «глубокое сожаление» по поводу того, что «вся корпорация студентов поддалась влиянию небольшой кучки крамольников». Затем он объявил, что в результате создавшегося неприятного положения колледж закрывается на неопределённое время.

Это заявление было встречено радостными криками всех присутствующих. Я выезжаю завтра. Встречай меня».

Вернувшись домой, Ллойд стал подыскивать себе работу. К этому времени он уже стал хорошим художником-декоратором. Но работы не было. Все наши поиски оставались безрезультатными. Я тоже лишилась места и перебивалась случайными работами. Начинался кризис, какого давно уже не было в Америке.

Всю зиму Ллойд был безработным. Мы жили впроголодь. Понемногу Ллойдом овладевало отчаяние: не видно было выхода из тупика.

Случайно мы прочитали в негритянской газете, что в Советскую Россию требуется группа негритянской молодежи для постановки фильма. Ллойд сказал:

— Вот куда бы я хотел поехать. Мне говорили, что достаточно лишь оплатить дорогу, а там, в Советской России, работу можно получить сразу. Мама, разреши мне уехать. Я колебалась недолго. Мне больно было расставаться с ним, но я видела его отчаяние.

Денег на дорогу не было. Пришлось занимать у знакомых, что было в то время довольно трудно. Мы с Ллойдом отправились в пароходное агентство.

Чиновник агентства, узнав, что Ллойд нужен билет на пароход, отплывающий в Советский Союз, изменился в лице и строго сказал:

— Миссис Глэско, неужели вы отпустите своего сына в эту страну?

Я так удивилась, что не могла даже сразу ответить. Но Ллойд сердито сказал:

— Я не могу найти работу в стране, где я родился и за которую умер мой отец. Но там, в Советской России, мне дадут работу.

— А вы пробовали ходить из дома в дом и предлагать свои услуги? Лучше белить известкой погребца у нас в Америке, чем быть самым лучшим художником в Советской России. Да вы знаете, что эти большевики не признают ни бога, ни чёрта?

— Ллойд ещё так молод, — сказала я. — И я хочу, чтобы он поехал в Россию и сам убедился, какая там жизнь...

Наконец все трудности были преодолены, и Ллойд уехал. Я много плакала, проводив его. «Кто знает, — думала я, — что ждёт его в этой непонятной стране и увижусь ли я когда-нибудь снова с сыном?»

Оставив Вестфильд, с которым меня больше ничто не связывало, я перебралась в Нью-Йорк и поселилась у Сарры Паттерсон. Она по-прежнему билась, как рыба об лёд, чтобы прокормить свою семью. Но мы обе были уже немолоды, и нам всюду отказывали. С большим трудом нам, наконец, удалось найти работу в прачечной.

Как-то вечером, возвращаясь домой, мы попали на уличный митинг. Хотя мы с трудом держались на ногах после целого дня работы, но всё же остановились послушать, о чём говорят. Это был коммунистический митинг. И тут мне впервые блеснул луч света.

С тех пор я начала посещать митинги. Я задавала много вопросов ораторам, и они всегда охотно отвечали мне. Их мысли совпадали с моими. Я рассказала об этом своей приятельнице Элле, работавшей в той же прачечной, что и я.

— Маргарита, — сказала она, — ты лучше держись подальше от этих людей. Ведь это всё «красные».

И раньше мне приходилось слышать о «красных». И всегда это было нечто омерзительное. Но теперь я ближе познакомилась с ними и увидела, что газеты клеветали на них.

Ещё будучи в Вестфильде, я записалась в Национальную ассоциацию защиты прав цветного населения.

Там была некая миссис Грэвс, негритянка, руководительница республиканского цветного клуба. Когда я предлагала провести какое-нибудь мероприятие, она обычно говорила: «Хорошо, я поговорю об этом с мистером Джонстоном».

Мистер Джонстон был белый, он стоял во главе вестфильдской организации республиканской партии.

Однажды мне пришлось говорить с ним накануне муниципальных выборов. Наша организация располагала большим количеством голосов, и республиканская партия заигрывала с нами. Я сказала, что мы готовы поддержать республиканских кандидатов, если получим обещание, что муниципальные власти будут внимательнее относиться к нуждам негритянского населения. Мистер Джонстон внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Миссис Глэско, в настоящее время я не могу сказать вам, что можно будет сделать, но я прошу вас приложить всю свою энергию и старания, чтобы ваши избиратели отдали свои голоса республиканской партии. У нас имеется солидный фонд, и вы свое получите. Спросите миссис Грэвс, обошли ли мы её хоть раз после выборов?

Многие руководители нашей ассоциации смотрели на эти вещи подобным образом.

Но не такими были «красные». Это были люди, которые хотели помочь мне и другим таким, как я. Они хотели научить меня и других бедняков, как нам найти выход из тупика, в котором мы находились.

И я сказала Элле:

— Если эти люди «красные», то я всю жизнь была «красной», но только не знала об этом.

У Сарры Паттерсон было очень тесно, и Элла предложила мне жить у нее. Мы с ней были друзьями на протяжении многих лет, но с тех пор, как я ближе познакомилась с «красными», она стала отдаляться от меня, как бы видя во мне заразу.

Я старалась не обращать на это внимания. Я нашла то, что искала уже много лет, и всей душой отдалась новому делу. Я знала, что это единственно правильный путь.

Спустя несколько месяцев я получила от Ллойда первое коротенькое письмо.

«Помнишь, мама, — писал он, — как я вернулся из колледжа, горя желанием работать, но никакой работы найти не мог? Но теперь я нашёл путь, который мы с тобой так долго искали. Я хочу, чтобы и ты приехала сюда. Здесь ты начнёшь новую жизнь».

Я не пропускала ни одного собрания, ни одного митинга и каждый раз тащила с собой Эллу, но она на самом деле боялась «красных». Я приносила домой «Дейли уоркер». Элла боялась, как бы кто-нибудь из соседей не увидел эту газету у неё в доме. Она всегда старалась подальше её спрятать. После нескольких наших бесед она тоже начала читать «Дейли уоркер». И всё-таки я не могла обратить её в свою новую веру. Когда мои «красные» товарищи стали навещать меня, это ей страшно не понравилось: она ненавидела белых людей, как это было и со мной в течение многих лет.

Мне поручили ближе сойтись с работницами прачечной, где я работала, и вовлечь их в профсоюз. Это было трудное дело. Незадолго до этого в прачечной происходила стачка, окончившаяся поражением. У работниц было подавленное состояние, они относились очень недоверчиво ко всяким попыткам организовать их. Я заговаривала с ними и объясняла, почему нужно состоять союзе. Но они молча выслушивали меня и оставались пассивными.

Однажды клуб «Рабочий центр», в котором я участвовала, решил устроить митинг в защиту узников Скоттсборо. Я захватила с собой на работу несколько листовок и стала раздавать их работницам. Но мастер тут же заметил это, подскочил ко мне и выхватил листовку.

— Это что такое?

— Это проповедь, которую будут читать в нашей церкви, — отвечала я.

Он не стал просматривать листовку и вернул её мне. Таким образом мне удалось раздать все листовки. Но ни одна из работниц на митинг не пришла. Сцена с мастером напугала их, а кроме того, они слышали, что делом узников Скоттсборо занимаются «красные».

Я стала распространять «Дейли уоркер» и другую коммунистическую литературу, но Элла ничего не разрешала мне приносить домой. Всю литературу я прятала на квартире у Сарры Паттерсон. Потом Элла начала выражать недовольство тем, что ко мне заходят белые товарищи. И, наконец, она прямо заявила, что я должна уйти из её квартиры. Мне пришлось снова перебраться к Сарре.

После неудачной попытки привлечь работниц нашей прачечной на митинг я не опустила рук, а стала придумывать другие способы. Наш клуб устроил танцевальный вечер, и я распространила среди работниц несколько дешёвых билетов. Некоторые из купивших билеты всё-таки не пришли, потому что узнали, что наш клуб связан с «красными». Но остальные явились и остались очень довольны.

Вскоре мне пришлось оставить эту работу, но я уже видела первые результаты её. Если раньше работницы-негритянки и негры-рабочие с большой опаской относились к знакомству с белыми рабочими и работницами — участниками нашего клуба, а порой откровенно избегали таких встреч, то теперь многие из них регулярно посещали клуб, танцевали друг с другом, ели за одним столом.

Это пришло само собой.

Белый рабочий, если у него нет работы и он не в состоянии заплатить за квартиру, выбрасывается на улицу так же, как и негр. Перед дверьми благотворительных столовок, где можно бесплатно получить тарелку супа, белые рабочие стоят рядом с неграми.

Тогда я ещё до конца не понимала всего этого, но теперь знаю, что классовая солидарность рабочих сильнее национальной розни. В этом заключалась главная причина успеха нашего клуба...»

«Красные»!

Одного упоминания о «красных» достаточно, чтобы начать новую кампанию бешеной травли и разнузданной клеветы против всего самого честного и лучшего в сегодняшней Америке!

Я слышу глухие удары кованых сапог. Это по её улицам разгуливают одетые в форму гитлеровских штурмовиков молодчики с выкриками: «Мы празднуем убийство Кеннеди! Теперь мы возьмёмся за «красных»!»

Америка!

Трупный яд расизма насквозь пропитал одежду, и болезненные пятна проступили на тронутой загаром коже.

Опомнись, пока не поздно, и сбрось с себя эту отравленную оболочку из ханжеского лицемерия и расовой нетерпимости!

На земле молодости

Россия — это ты,
ты — человечна.

Сальваторе

«Мой сын обрел новую родину. Он был так счастлив, что без конца повторял в письмах одно и то же, но я в его восторженных словах открывала каждый раз всё новые и новые оттенки. Эта страна, которая приютила и пригрела моего сына, начала мне казаться каким-то земным раем. Я видела её во сне, я думала о ней наяву.

Ллойд все настойчивее звал меня к себе. Он женился на русской девушке, и у меня уже появился внук. Прошло больше трёх лет с тех пор, как я рассталась с сыном, и желание увидеть его, мою новую дочь и внука стало моей единственной мечтой. Я поставила этот вопрос перед организацией, и мне обещали полное содействие.

В нашем клубе часто бывал один адвокат-коммунист. Выслушав меня, он сказал: — Вы поедете. Все хлопоты по этому делу я беру на себя.

И вот я на палубе парохода, отплывающего из Нью-Йорка. У меня нашлись компаньоны. Моя новая знакомая — Эллен Райт, негритянка с двумя детьми. Она ехала в Южную Африку к своему мужу, работнику американской научной экспедиции. С другими пассажирами мы почти не общаемся. На палубе парохода продолжают те же отношения, с которыми мы сталкивались повсюду на американской почве.

Уже в Москве я получила от Эллен письмо:

«Как вам нравится в Советской России? Что это за страна? Пожалуйста, напишите мне, правда ли, что там отбирают детей у родителей и никому не позволяют ходить в церковь, как пишут американские газеты? Как к вам относятся в Советской России? Существуют ли и там расовая нетерпимость и предрассудки?»

В общем я неплохо ехала от Нью-Йорка до Лондона. На следующее утро я попала на советский пароход. Атмосфера здесь была совершенно другая. В ожидании, пока мне укажут мою каюту, я присматривалась к тому, что происходило вокруг. Какая-то девушка посмотрела на меня, улыбнулась и сказала:

— Может быть, вы нуждаетесь в помощи?

Это была одна из пассажирок.

— Нет, благодарю вас, — ответила я. — Я думаю, мне скоро дадут каюту.

— Но вы не умеете говорить по-русски. Мне хотелось бы вам помочь.

Она не отходила от меня, пока я не очутилась в отдельной каюте. А затем она и сама перебралась ко мне.

Я сразу полюбила эту милую девушку. В душе я питала надежду, что моя невестка окажется такой же, как эта ленинградская девушка, которую звали Эмма.

В Ленинграде мы распрощались. Я торопилась к сыну, который должен был встретить меня.

Я расплакалась, увидев его. Но это были слёзы радости. Как он был не похож на того Ллойда, который в стоптанных ботинках и потёртом пиджаке с утра до вечера бегал по улицам Вестфилда в поисках работы! Передо мною стоял спокойный, уверенный в себе человек, хорошо одетый и улыбающийся. Но главное, что меня поразило и обрадовало, — это сознание собственного достоинства, написанное на его лице, чувствующееся в каждом его движении. Эта страна действительно делает чудеса: в ней люди находят себя. Если бы я жила в этой стране в ту пору, когда вела такую напряжённую борьбу за воспитание своего сына, я не превратилась бы в старуху в сорок три года.

Но здесь, в СССР, я стала молодеть с каждым днём.

Я часто навещала одну свою приятельницу-негритянку, давно приехавшую в СССР. Её муж уже много лет работал на московском заводе. Он хорошо знал русский язык и весь с головой ушёл в работу. Кроме того, он ухитрялся еще читать книги по политэкономии и философии.

Часто он засиживался допоздна.

Как-то мы все поздно вернулись из театра. Я и моя приятельница легли спать. Прошло уже, вероятно, несколько часов, когда я проснулась. Майк сидел за столом, заслонив лампу газетой, и что-то быстро писал.

Я сказала:

— Ради бога, Майк, ложитесь спать. Во имя чего вы работаете всю ночь?

— Простите, Маргарита, — ответил он, — если я вас разбудил. Мне нужно закончить срочную работу. Наш цех не выполняет плана.

Это было выше моего понимания.

— Но, Майк, — заметила я, — неужели работа не может подождать до утра? Подумайте о себе. Завод не погибнет, если вы отложите эту работу до завтра...

— Вы понимаете, что вы говорите, Маргарита?

Я приподнялась и села. Сон отлетел от меня. Майк продолжал говорить:

— Вы понимаете, что это значит?.. К чему бы это привело?.. Я работаю на себя — можете вы это понять?

Он засмеялся, глядя на моё сердитое лицо.

Так работал не один лишь Майк.

Я разговаривала со многими рабочими. «Наша пятилетка... наша страна... наш цех...» Нужно было слышать, как они произносят эти слова.

За несколько месяцев я поняла по-настоящему, что такое социализм. Всю свою жизнь я мечтала о том, чтобы научиться настоящему ремеслу.

Начинается выбор работы. Я долго не могу остановиться на чём-нибудь определённом. Наконец, я решаю поступить на автозавод...»

Спасибо вам, девушки-комсомолки тридцатых годов, ровесницы моей матери: Рая Кромина — добродушная девушка с ласковыми глазами, и застенчивая Клава Гаврилова, и всегда одинаково ровная в обращении, терпеливая и внимательная Зоя Брянцева, которые вместе с моей темнолицей бабушкой Маргаритой разучивали первомайские песни и направляли её первые робкие шаги на заводском поприще.

Где ты теперь, белоголовая Лёля из цеха ремонта электрических моторов автозавода Лихачёва, старательно помогавшая ей по русской грамматике?

Может быть, и тебе пришлось надеть военную шинель и трудное время, оставшееся за плечами, посеребрило твои волосы?

«Регулярная переписка с родными и друзьями, оставшимися в Америке, заставляла меня заново переживать то, что я уже начала забывать, находясь в СССР.

«Клуб, который вы организовали, работает великолепно, — писала мне моя приятельница из Вестфильда Дора Уормли. — Недавно мы помогли семье негра-рабочего Стоуна, которому грозило выселение из квартиры.

Стоун уже в течение долгого времени был без работы, а жена его работала только два дня в неделю. В бюро помощи безработным ему заявили, что раз жена его работает, то ему никакого пособия не полагается. И тогда домовладелец выкинул Стоуна с женой и четырьмя малолетними детьми на улицу за невзнос квартирной платы. И вот тут-то члены нашего клуба вступились за Стоуна. Они общими силами вселили семью обратно. На шум прибежал шериф. Но рабочие разоружили шерифа, а его самого выбросили в окно. Шериф только потому не разбился, что квартира находилась на первом этаже. Одним словом, дорогая миссис Глэско, это была настоящая война, но мы всё-таки добились своего.

На другой день в одной из газет появилась следующая заметка:

«...Во вчерашней свалке с полицией негры и белые так перемешались, что трудно было отличить одних от других».

За нашим клубом установлена слежка. Полиция ищет предлога, чтобы его закрыть...»

Хью писал:

«Нам всем очень понравилось твоё описание первомайской демонстрации в Москве. Какое это было чудесное зрелище! Я надеюсь, что доживу до тех дней, когда увижу такую демонстрацию и у нас в Америке. Мы ждём тебя, чтобы ты рассказала нам о своих впечатлениях и о жизни в Советской России...»

За два года пребывания в Советском Союзе я привыкла к независимой жизни и стала новым человеком. Я оглядывалась на пройденный жизненный дуть, и мне начинало казаться, что принесённые мною жертвы не были напрасны. Я дала жизнь сыну, который, я уверена, будет истинным борцом за социализм».

Маргарита Глэско!

Ты воспитала достойного сына. Он впервые ступил на советскую землю в то время, когда в Америке свирепствовали голод и линч, когда массовые походы безработных лихорадили золотушное тело страны, когда в здании художественной школы в США были уничтожены фрески под названием «Митинг на улице», выполненные Сикейросом, лишь потому, что на них негры-рабочие изображались рядом с белыми.

А на горизонте, заслоняя небо, уже подымалась коричневая туча взлелеянного буржуазией фашизма.

Война принесла непоправимое горе. В первые её месяцы я лишился отца. С началом войны наша семья эвакуировалась, а отец, работник Радиокomiteта, оставался в Москве. Однажды ночью он был сильно контужен взрывом бомбы и вскоре умер. Ему еще не было тридцати двух лет.

Память об отце у меня сохранилась как о человеке очень мягком, добром. Как сейчас помню его сидящим в открытой майке, обнажавшей крепкие смуглые плечи, склонившим кудрявую голову над пишущей машинкой.

С детства я привык к равномерному шуму пишущей машинки отца и к краскам, кистям и эскизам моей матери-художницы. В маленьком возрасте у меня также была склонность к рисованию, и я любил утром прямо с постели, не одетый, расстелив большой лист ватмана, рисовать, зажав в левой руке (я был левша, как и отец) толстую

кисть. Я не признавал карандашей, пользовался только кистью, поминутно обмакивая её в банки с разноцветной гуашью.

Мои рисунки, по мнению моей мамы, напоминали современную западную живопись (ташистов).

С тех пор прошло много времени. Я подрос и переступил черту, за которой начиналась моя самостоятельная жизнь.

Иногда я стараюсь представить себе: как сложилась бы моя судьба, если бы я родился в Америке, где по ныне существующим законам в тридцати штатах моим родителям грозило бы тюремное заключение сроком до десяти лет, а в пятнадцати — наказание вплоть до смертной казни только потому, что мой отец — темнокожий, а мать — белая.³²

Я накидываю плащ и выхожу на проспект Мира. Я иду и всей грудью вдыхаю воздух. Я улыбаюсь встречным людям, и они в ответ улыбаются мне.

А потом я прохожу по пропахшим кровью и гарью полям Джорджии и Миссисипи. Это я в облике Джеймса Мередита³³ смело переступаю порог Оксфордского университета, и это я, семнадцатилетняя девушка-негритянка Хейзел Рус Адамс, не обращая внимания на объявленный мне бойкот, сажусь за школьную парту в «белом» колледже штата Виргиния, и это на меня обрушивают град камней и бомбы со слезоточивым газом распоясавшиеся куклуксклановцы в штате Алабама.

Я узнаю длинноногого смеющегося парня с банджо в руках. Это Пит Сигер — талантливый собиратель и исполнитель народных песен. Он поёт, и энергичная мелодия захватывает меня, она словно становится моим вторым зрением. И я будто вижу горняков Кентукки, у которых свой девиз: «Крепче держаться друг друга».

И вижу индейцев города Макстон, преследующих застигнутых врасплох куклуксклановцев...

— Ты здорово пел сегодня, Пит, — говорю я ему. — Спасибо тебе!

Я прислушиваюсь к вулканическому биению раненого сердца Африки и, соприкасаясь с бессмертием, склоняю голову перед гордыми, как подвиг, жизнями патриотов Ирака.

Я пожимаю руку Манолису Глезосу и иду дальше.

Я иду по проспекту Мира, устремлённому в будущее.

³² Несмотря на то, что в том времени браки с иностранцами были довольно редкими и советская власть относилась к ним с неодобрением, власти отнеслись к их браку вполне благосклонно, поскольку отец Араловой был разведчиком Первой конной армии.

³³ Первый студент-афроамериканец в Миссисипском университете.